

Л. А. Гусева

Тема искусства в стихах Н. И. Глазкова: лексико-семантический аспект

Статья посвящена языковым способам отражения темы искусства в стихотворных текстах Н. И. Глазкова. В тематической группе *искусство* доминирует лексика, характеризующая поэтическое творчество. Поэзия коррелирует с более широкой темой книжной культуры. Из частных видов искусства в первую очередь кино и живопись находят в стихах Н. И. Глазкова фактографическое воплощение. Концептуально значимы для творчества поэта такие понятия, как *город, дом, храм, церковь*, имеющие отношение к архитектурной тематике. Краткость и непритязательность ландшафтных описаний компенсируется ощущением города как жизненного пространства и необходимого элемента психологической, ментальной характеристики лирического героя. Тема искусства представлена также существительными, обозначающими человека, причастного к искусству; оценку творчества; материальные элементы творческого существования, такие как *гонорар* или *публикация*. Контексты слова *искусство* свидетельствуют о том, что для поэта важен деятельностный характер искусства, а также понимание того, какое место в современном обществе занимает человек искусства. Рассуждения поэта часто носят дискуссионный характер, при этом ощущение дискуссии создается за счет использования и трансформации клишированных конструкций, в которых отражены обобщенные взгляды на искусство, распространенные в современном поэту социуме.

Ключевые слова: Н. И. Глазков, слово искусство, лексико-тематическая группа, лексическое значение.

L. A. Guseva

Art Subject in N. I. Glazkov's Verses: a Lexico-Semantic Aspect

The article is devoted to language ways of reflecting a subject of art in N. I. Glazkov's poetic texts. In the theme group *art* lexicon dominates characterizing poetic creativity. The poetry correlates with a wider subject of book culture. From private art forms first of all the cinema and painting find their factual embodiment in N. I. Glazkov's verses. Such concepts as *city, house, temple, church* concerning the architectural subject are conceptually significant for the poet's works. Brevity and unpretentiousness of landscape descriptions is compensated by the feeling of the city as vital space and a necessary element of the psychological, mental characteristic of the lyrical hero. The subject of art is presented also by nouns designating the person involved in art; creativity assessment; material elements of creative existence, such as *fee* or *publication*. Contexts of the word *art* demonstrate that the activity nature of art, and also understanding of what place in modern society is taken by the person of art are important for the poet. The poet's reasonings often have a debatable character, at the same time the feeling of discussion is made due to the use and transformation of cliched constructions, where generalized views of art extended, in modern to the poet, society are presented.

Keywords: N. I. Glazkov, word art, lexico-theme group, lexical meaning.

Лирику Н. И. Глазкова трудно назвать эмоционально напряженной или изобразительной. Ее отличают логические пассажи, парадоксальные и неожиданные; поиски ответов на те вопросы, что, очевидно, витали в воздухе, волновали умы современников поэта, да и сейчас продолжают волновать людей. Ирония, шутка, грусть – чувства, которые чаще других окрашивают строки поэта. Грустно-ироническая эмоциональная тональность соответствует общей интеллектуальной направленности лирики Н. И. Глазкова.

Искусство – одна из важнейших тем поэта. Объяснение этому можно найти и в биографии Н. И. Глазкова, и в общей стилистической характеристике его творчества.

Н. И. Глазков вырос в семье русских интеллигентов. С детства его окружала атмосфера интеллектуального общения, обязательным элементом которой было, например, домашнее чтение.

«Арбат 44, Квартира 22» – эти строки иногда называют визитной карточкой поэта. По свидетельству одного из его друзей, арбатская квартира «...могла считаться местом историческим. Вероятно, вся литературная, и не только литературная Москва побывала там. От старого футуриста Алексея Крученых и до мальчиков, пробующих свои силы в стихописании, от друзей Колиной юности, уже признанных и вышедших в лауреаты, вроде Луконина, и до тех его товарищей, чья слава была еще впереди, – Слуцкого, Самойлова, Евтушенко» [7, с. 154–155].

Стихи Н. И. Глазкова очень долго не публиковались, и ему приходилось зарабатывать на жизнь самыми разными способами: пилить дрова, работать носильщиком на вокзале или выполнять обязанности секретаря, например, у Л. Ю. Брик, у В. Яхонтова. Несколько раз Н. И. Глазков снимался в кино. Еще в юности он

участвовал в массовке в фильме С. Эйзенштейна «Александр Невский». А. Тарковский пригласил его на роль Летающего мужика в фильме «Андрей Рублев». Эпизодическую роль матрасника исполнил Н. И. Глазков в фильме А. Кончаловского «Романс о влюбленных». В несостоявшемся фильме о Чернышевском «Особенный человек, или Роман в тюрьме» Н. И. Глазков пробовался на роль Ф. М. Достоевского. Режиссер фильма Вера Строева так отзывалась о его работе над ролью: «Редко можно установить такое понимание с полуслова, увидеть такую самоотдачу. И дело было не во внешности, а в глубокой значительности образа гениального писателя, переданной Глазковым» [7, с. 339]. Признанием актерских способностей Н. И. Глазкова можно считать слова режиссера: «Мы сняли предпоследний кадр в сценарии: медленный наезд на глаза Достоевского... За кадром звучал колокольчик тройки, среди снегов увозящей осужденного. Это был очень длинный наезд – то, что вряд ли смог бы выдержать профессиональный актер. Николай Глазков пронес в своих глазах такую глубину мыслей и чувств, что те, кто видел его на экране, до сих пор не могут об этом забыть» [7, с. 339].

Не только с искусством кино, но и с живописью Н. И. Глазков был связан в силу своих жизненных обстоятельств. С детства его отличала страсть к коллекционированию открыток, марок. Художниками были его близкие люди: жена Росина Моисеевна; младший брат Кора, который мог стать талантливым художником, но погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

Биография Н. И. Глазкова – это не просто содержание его стихов, это одна из стилистических доминант его творчества. Биографическим сходством с реальной личностью поэта наделяет его лирический герой – тот образ, что объединяет разноплановые, иногда фрагментарные, написанные в разное время стихи. Поэзия и судьба поэта в современном мире – главная тема Н. И. Глазкова.

Н. И. Глазков относится к тому сообществу поэтов, для кого обсуждение поэтического мастерства было необходимой частью жизни. Они вслед за М. Цветаевой могли бы сказать: «Я знаю, что Венера – дело рук. Ремесленник, я знаю ремесло». На протяжении всей творческой жизни Н. И. Глазков работал в различных поэтических студиях – как слушатель, как мастер, передающий опыт младшим коллегам. Это поэт творческой среды.

Если обратиться к теме искусства в стихах Н. И. Глазкова, следует отметить, что она в первую очередь связана с темой поэзии, но не исчерпывается ею. В целом для стилистики поэта характерно взаимодействие доминанты и контекста, который сопровождает основную линию, придает ей объем, открывает возможности для множественной интерпретации. В тематической группе *искусство* доминирует лексика, характеризующая поэтическое творчество. Но поэзия – только один из видов искусства, и лексико-семантические парадигмы, актуализированные в стихах Н. И. Глазкова, связывают тему *поэзии* с иными воплощениями темы *искусства*.

Поэзия соотносится с темой книжной культуры: *Это так устроено всевышним, что два мира в мире я имею. У меня сегодня в мире книжном варварская ночь Варфоломея...* [2, с. 136]. Книжная тема разворачивается благодаря использованию прецедентных имен: *Юпитер, Вах, Эдип, Гомер, Андрей Белый, Пастернак, Киплинг, Кульчицкий* и т. д. Разнообразные формы цитирования (прецедентные тексты, представленные в стихах Н. И. Глазкова) также служат средством выражения книжной темы. Строки В. Маяковского «*Не сразу смазал краски будня*», или В. Хлебникова «*Скажу: «Засмейтесь, смехачи!»*», Как «*Все-таки она вертится*», или Б. Пастернака «*Все поэты воспевали женщин, От гребенок до ног...*» и многих других поэтов выполняют разнообразные стилистические функции, а в целом служат знаком причастности к единому цеху поэтов.

Особое место в глазковских стихах занимают библейские реминисценции: *мертвые себя хоронят сами, мертвые сраму не имут, собирать камни. «Все суета сует и всяческая суета. Я всех люблю. Желая всем успеха. Но не влияет на меня среда. Я все могу, но только мне не к спеху»* [2, с. 39]. Религиозные тексты в стихах поэта служат не столько идеологическим или мировоззренческим маркером, сколько способом осмысления культурно-исторического развития. Библейские реминисценции образуют функционально-семантическое единство с лексико-тематической группой *храм / церковь*, куда входят и такие существительные, как *икона, купол, колокол* и др.

Как рыбы, золотые купола
Плывут туда, где небо синевеет,
Из той страны, которая была,
В такую даль, которая новее.
Они плывут, как рыбы, из былого.

А мимо них, виденцев старины,
Проходим мы, поэты-рыболовы,
И прочие рабочие страны [2, с. 48].

В этой поэтической миниатюре создается единый образ времени-пространства, символическим центром которого являются купола. Слово *купола* в стихотворении становится «эпицентром» приемов языковой выразительности: традиционный эпитет *золотые*, метафора *плывут*, странное для непосвященного сравнение – *как рыбы*, устанавливающее связь между куполами и поэтами-рыболовами. Цветовой контраст – золотой и синий – актуализируется окказиональной формой сравнительной степени – *синевее*. Купола становятся тем предметным ориентиром, который зримо, материально показывает движение не только в пространстве (если смотреть на купола церкви снизу вверх, то возникает впечатление, что они двигаются), но и во времени. Олицетворение – *виденцы старины* – становится контрапунктом субъектно-объектной перспективы: кто кого видит и кто кого ловит?

Тема архитектуры опирается в стихах Н. И. Глазкова на два ключевых понятия: *город* и *церковь/храм*. В описании *города* поэт прагматичен: город – это место жизни, «среда обитания». Архитектурных подробностей практически нет, минимальны «картины» города: *рекламы города цветут движеньем и огнем; цинком струит планетарий изнанку каких-то неб; смотрит на город витрина, ни холодно ей, ни тепло; чем больше в Москве двухэтажных троллейбусов, тем меньше в Москве двухэтажных домов*. Наверное, самым частотным атрибутом *города* является *дом*: *Обстреливаются на Неве дома, Сгорают стихов тома. Потомкам будет неведомо, Какие были дома* [2, с. 59]. Внешняя скромность, непритязательность описаний компенсируется ощущением города: лирический герой здесь живет, он чувствует город: *Когда я приехал, Москва мне сказала: – Ты мог бы приехать потом!..* [2, с. 359]. И даже мечта о будущем, о лучшей, идеальной жизни воплотилась в образе города – *Поэтограда: Вижу город я, где нет для ближнего Никаких таких лишений лютых И совсем ничего лишнего Ни в вещах, ни в словах, ни в людях. Там весь мир пополам не расколот И поэты не знают преград. Вы не верите в этот город, Вы не верите в Поэтоград* [2, с. 346–347].

Слова *церковь, храм* используются поэтом в прямом значении – ‘здание для богослужения’: Верить в церковь можно, лишь поверив в красо-

ту ее архитектуры [2, с. 418]. (Кстати, старославянское по происхождению слово *храм* соответствует собственно русскому *хоромы*.) Однако слова *церковь, храм* в поэтическом контексте приобретают дополнительные смыслы. Общественно-политическая тематика звучит в поздних стихах поэта: *Но и у нас преобладали хамы, В недобрый час они взрывали храмы!* [2, с. 168]. Эстетическая оценка преобладает в строчках, написанных в 1960-м г.: *Земля просторна, и на ней не тесно, Когда вокруг медовая трава. Неповторимо, сказочно чудесна Сияющая церковь Покрова* [2, с. 261]. В более ранних стихах, стихах военного времени, эстетическая оценка важна не сама по себе, а как аргумент в рассуждениях о поэтическом творчестве: *Поэт, ты не можешь добиться издания, Хотя твой стих и великолепен. Ты – как церковь, которая лучшее здание, Но в которой не служат молебн* [2, с. 74].

Театральная тема придает рассуждениям поэта образный характер. *Спектакль, антракт, драма, трагедия, фарс, декорации* – эти слова используются поэтом в переносном значении: *Хоть факт упрям, но мы живем в антракте, Где происходит смена декораций* [2, с. 196]. Более предметно поэт говорит о киноискусстве. Иронически рассказывает о раннем опыте участия в съемках фильма «Александр Невский»; кратко, предельно обобщенно рассуждает об истории кино, о Луи Люмьер и превращении технического чуда в вариант массового искусства: *А теперь, билет потрогав По цене рубля за три, Приходи в кинематограф И смотри* [2, с. 38].

Слова тематической группы «музыка» носят единичный характер и играют второстепенную роль в формировании идейно-образного содержания глазковской поэзии. А вот тема живописи представлена более разнообразно: появляются имена художников (Рублев, Суриков, Левитан, Ван-Гог, Гоген, Васнецов, Пиросмани, Лактионов); упоминаются инструменты (доски, кисти, холсты, краски); обозначаются действия (рисовать, малевать, реставрация) и помещения (мастерская, галерея). Слова этой тематической группы используются и в прямом, и в переносном значении. Живопись для поэта может стать самостоятельным объектом поэтического отражения, а может быть использована для проведения образных аналогий и выражения чувств лирического героя. Пример объемного образного параллелизма мы видим в стихотворении 40-х гг. «Дни твои, наверно, прогорели...». Кризисные,

нескладывающиеся отношения с любимой женщиной лирический герой анализирует, обращаясь к описанию картины Сурикова «Боярыня Морозова»: *Помнишь, в Третьяковской галерее – Суриков – «Боярыня Морозова»?... Правильна какая из религий? И раскол уже воспринят родиной. Нищий там, и у него вериги, Он старообрядец и юродивый... У тебя такая ж обреченность, Как у той боярыни Морозовой...* [2, с. 413–414].

В стихотворных текстах Н. И. Глазкова активную роль играют наименования людей. Тема искусства представлена в лексико-семантической группе ‘существительные, обозначающие человека, причастного к искусству’: *поэт, читатель, лирик, одописец, романтик, романист, художник, иконописец, певец, меценат, артист, актер, актриса, кинозвезды, гений, футурист, акмеист, авангардист, клоун, шут, паяц, критик, искусствовед, редактор, читатель, зритель, эстет, литконсультант* и др. Значение ‘человек искусства’ может быть выражено и описательными оборотами: *Вы, которые не взяли кораблей на abordаж, Но в страницы книг вонзали красносиний карандаш. Созерцатели и судьи, Люди славы и культуры, Бросьте это и рисуйте на меня карикатуры...* [2, с. 351].

В поэтических рассуждениях Н. И. Глазкова сопоставляются разнообразные факты, устанавливаются ассоциативные связи между «далекватыми» понятиями. Благодаря такому аналитическому подходу лексико-семантическая группа ‘человек искусства’ пополняется неожиданными словами: *пастух, мужик, откровенный малый, чудотворец, ремесленник, работага*. Мы можем видеть в стихотворении «Примитив» (1951 г.), как свернутый диалог и столкновение разных точек зрения концентрируется в слове *мужик*:

Я к сложным отношениям не привык,
Одна особа, кончившая вуз,
Сказала мне, что я простой **мужик**.
Да, я **мужик**, и этим я горжусь.
Мужик велик. Как богатырь быллин,
Он идолищ поганых погромил,
И покорил Сибирь, и взял Берлин,
И написал роман «Война и мир»! [2, с. 227].

Отношение между простым человеком – *мужиком* – и искусством (искусством слова) устанавливается и в стихотворении «Новгородская грамота» (1966 г.):

«Аз тебе хоцю!» – писал писалом
На бересте грамотный **мужик**.
Был, наверно, откровенным малым
И в любви немалого достиг...

– Аз тебе хоцю!..–
Здесь взлет отваги,
Честное влечение души...
Мой коллега-**лирик**, на бумаге
Попытайся лучше напиши! [2, с. 274].

Важное место в лексико-тематической группе «искусство» занимают абстрактные существительные, обозначающие оценку творчества. Такие слова, как *самобытность, совершенство, простота, органичность, гражданственность, поэтическое обобщение, новизна, индивидуальность* – называют распространенные в обществе требования к подлинному искусству. К отрицательным характеристикам относятся *подражание, эстетство, эклектика*. Необходимыми атрибутами творчества являются *слава, бессмертие, артистический хаос, богема, божественная интуиция, признание*. Для оценки творчества используются и слова с терминологическим значением: *тенденция, традиция, влияние, течение, реализм, натурализм, романтизм, модерн, авторство, имя, биография*. Главным мерилom, с помощью которого определяется ценность произведения искусства, является *время: эра, эпоха, современность, древность*. Общую положительную оценку произведения искусства в стихах Н. И. Глазкова выражает слово *гениальность*.

Абстрактные существительные данной группы относятся к книжной лексике, они активно используются в специальной – искусствоведческой, литературоведческой – литературе; переходят в газетно-публицистические тексты. В поэтическом языке функции этих слов преобразуются. В стихотворениях Н. И. Глазкова они являются знаком поэтического сообщества – тех людей, которые не только творят, но и обсуждают произведения искусства. Стандартные, ценные именно своей традиционностью, стремительно превращающиеся в штамп, данные существительные служат средством создания социально-речевой перспективы – пятого измерения (если учитывать трехмерное пространство и движение времени как четвертое измерение). Понимание сиюминутного, в «злобе дня» существования творческого феномена не менее важно, чем представление об исторических судьбах искусства.

Искусствоведческая терминология придает стихам Н. И. Глазкова публицистический характер, в основе которого лежит общественный диалог. Поэт активизирует диалоговые смыслы, используя семантические и стилистические контрасты и добываясь, как правило, иронического эффекта. Сочетание книжного слова с разговор-

Л. А. Гусева

ным, положительной оценки с отрицательной; соединение слов с предельно конкретным и предельно обобщенным значением мы можем увидеть, например, в строках: *А она не добрая, не злая ведь... Мы по дыму судим о Казбеке. И не надо на эпоху сваливать Промахи свои и неуспехи* [2, с. 106]. Внешняя оценка своего творчества придает ироническое звучание строкам: *Поэта день – как день царя, Всю жизнь готов трудиться я. Но каждый раз – тенденция И всякий раз – традиция* [2, с. 37]. Ирония, пожалуй, единственная защита поэта от жестких социальных оценок его творчества: *С неумностью эклектика Впадаю я в эстетство, Хотя мне диалектика Была присуща с детства* [2, с. 81].

Индивидуально-авторским приемом работы с отвлеченной лексикой является использование ее в одном ряду с лексикой конкретного содержания. Группу абстрактных существительных, задающих аспекты оценки творчества, дополняют конкретные существительные, называющие материальные элементы творческого существования: *гонорар, издание, публикация, редакция, член Союза писателей:*

Я поэт, и не люблю редакций,
Где со мной валяют дурака.
Потому что очень мне досадно
Тратить время на такой журнал,
Где тупой ответ литконсультанта
Заменяет светлый гонорар [2, с. 245].

Особого внимания заслуживает само слово *искусство*, которое часто появляется в стихах Н. И. Глазкова. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Н. Ю. Шведовой определено три значения слова *искусство*: «1. Творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах. *И. музыки, И. кино...* 2. Умение, мастерство, знание дела. *Владеть искусством шитья.* 3. Самое дело, требующее такого умения, мастерства. *Военное искусство*» [4, с. 307]. В стихах Н. И. Глазкова взаимодействуют два значения слова, указанных в словарной статье: ‘художественное творчество’ и ‘мастерство’. В одном из ранних произведений поэта соединение этих смыслов подчеркивается благодаря приему паронимической аттракции – намеренному сближению близких по звучанию слов: *У молодости на заре / Стихом владели мы искусно, / Поскольку были мы за ре- / Волюционное искусство...* [2, с. 340].

В стихотворении «В искусстве скучновато без течений...» характеристика «авангардистов» завершается однородным рядом, с формульной

точностью отражающим понимание поэтом *искусства*: *Есть к славе поголовное стремление, Восторженных профанов умиление, Уменье, неумение и умора* [2, с. 287]. Как видим, семантический компонент ‘уменье’ в однородном ряду появляется дважды благодаря использованию однокорневых антонимов – *уменье / неумение*, что свидетельствует об актуализации этого признака.

Семантический компонент ‘умение, мастерство’ устанавливает ассоциативные связи между лексико-тематическими группами *искусство* и *ремесло*. В одном из поздних своих стихотворений поэт – в свойственной ему афористической манере – прямо заявляет о близости этих видов деятельности: *Где искусство, там и ремесло* [2, с. 233]. В стихотворении «Ювелиру» утверждение *Законы всех искусств едины* обосновывается, в частности, образным параллелизмом, устанавливающим связь между работой ювелира, актера и поэта: *Любого камушка сиянье И использовать изволь: актер способный в состоянье Сыграть любую роль! И песню сочинит, и басню Действительный поэт – И не накладывай напрасно Сам на себя запрет!* [2, с. 325–326].

Н. И. Глазков – поэт социальный. В его творчестве центральное место занимает человек. И контексты слова *искусство* свидетельствуют о том, что для поэта важен деятельностный характер искусства, важен человек искусства, важно понимание того, какое место в современном обществе занимает человек искусства: *Война все искусства в архив позапратала; Но стихи, они от строки до строки Существуют помимо воли автора, А может быть, даже и вопреки!* [2, с. 360].

Рассуждения поэта часто носят дискуссионный характер, при этом ощущение дискуссии создается за счет использования и трансформации стереотипных, клишированных фраз. Стандартная фраза из учебно-образовательного контекста – *роль личности в истории* – служит отправной точкой для того, чтобы высказать и обосновать свое мнение: *Согласиться я рад Даже с первого раза, Что историю творят не герои, а массы. Но в искусстве царит До сих пор необычность, И искусство творит Гениальная личность* [2, с. 242]. Клише становится знаком собеседника, наделенного тем же общим знанием, что и поэт. Н. И. Глазков в своих стихах не отрицает истинность распространенных в современном ему обществе утверждений, он, используя клишированные конструкции, развивает за-

ложенные в них смыслы, приводя своего читателя к новому пониманию «избитой фразы». Метафора, например, преобразует смысл устойчивого выражения *искусство для искусства* в грустном стихотворении 1979 г. – последнего года жизни поэта: *Жить и жить хочу во имя жизни: Жизнь – не средство, это самоцель! ...Жизнь – это искусство для искусства, Смело устремленное в века!* [2, с. 314].

Таким образом, тема искусства занимает важное место в лексико-семантическом наполнении стихотворных текстов Н. И. Глазкова. Она актуализируется в характеристике лирического героя – поэта, творческой личности. Искусство служит связующим звеном между поэтом и современным ему обществом: самоопределение лирического героя зависит от понимания того места, которое занимает искусство в жизни социума. Искусство в своих разнообразных проявлениях, с одной стороны, осмысливается поэтом как таковое, а с другой стороны, используется для осознания иных предметов – личных (биографических), социальных, исторических.

Библиографический список

1. Воспоминания о Николае Глазкове [Текст]: сборник. – М.: Советский писатель, 1989. – 528 с.
2. Глазков, Н. И. Избранное / сост. и науч. подгот. текста Н. Старшинова и Евг. Евтушенко; вступ. статья Евг. Евтушенко [Текст] / Н. И. Глазков. – М.: Худож. лит., 1989. – 541 с.
3. Глазков Н. И. Хихимора [Текст] / Н. И. Глазков. – М.: Время, 2007. – 536 с.
4. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Текст] / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2011. – 1175 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vospominanija o Nikolae Glazkove [Tekst]: sbornik. – М.: Sovetskij pisatel', 1989. – 528 s.
2. Glazkov, N. I. Izbrannoe / sost. i nauch. podgot. teksta N. Starshinova i Evg. Evtushenko; vstup. stat'ja Evg. Evtushenko [Tekst] / N. I. Glazkov. – М.: Hudozh. lit., 1989. – 541 s.
3. Glazkov N. I. Hihimora [Tekst] / N. I. Glazkov. – М.: Vremja, 2007. – 536 s.
4. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vključenijem svedenij o proishozhdenii slov [Tekst] / RAN. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova; отв. red. N. Ju. Shvedova. – М.: Azbukovnik, 2011. – 1175 s.